

Содержание

Прелюдия	5
Акт 1. Грубый секс	17
Акт 2. Нежный бунт	63
Акт 3. Ренессанс	279
Послевкусие	337

Прелюдия

1

Всем нужен секс. Одним в большей степени, другим в меньшей. И человеку необыкновенному, ангельскому, чья натура нам кажется духовно высокой, чище крови Христа, и человеку обыкновенному, порочному, грехи и изъязны которого хорошо видны глазу.

Обладать созданием с эфемерной сердцевинной, которая кажется нам более духовной и невинной, чем наша, — считается нами же преступлением, пороком души. Мы не привыкли осквернять святое. Тогда как, напротив, человеком, которого мы считаем более земным по сути, которого есть за что осудить, которому

есть за что раскаяться в своей жизни и о чем сожалеть, из чьих уст можно услышать и грязное, и пошлое, и искреннее, — им мы хотим обладать. Под словом «обладать» я имею в виду заниматься с ним любовью, сексом, трахаться, лечить душу ощущениями, «сквернотворить» и сквернословить, заниматься сотворчеством.

Как занимательно, мы не желаем пятнать собой чистоту, мы чтим самых первых богов — матерей. Но... «пятнать собой чистоту» — насколько парадоксально это звучит, настолько бессмысленным это является. Быть может, наши вторые боги — отцы не пятнали собой чистоту? Может, чистое русло реки так и останется чистым, если в него запустить жменю рыб?

Распятие Христа — это символ. Символ распятия чистоты, высокой нравственности и доброты сердечной. Предположим, что казнь маркиза де Сада за его романы «Жюльетта» или «120 дней Содома» тоже была бы символом. Символом пригвождения ко кресту порока, безнравственности, бесчестия. Но в каждом из этих двух символов присутствует одна связывающая деталь — это искоренение неискоренимого.

Уничтожьте песчинку пустыни Алжира, уничтожьте целую горсть. Эти две фигуры — всего лишь две очевидные грани многогранной человеческой природы.

Символично и то, что христианство — религия любви — учит нас искать чистую любовь и стремиться к Богу. Но что такое чистая любовь? Подскажите, как отличить любовь маркиза де Сада к проявлению своей сути от любви Христа к проявлению своей сути. В каждом из этих двух символов присутствует реализация себя через смысл. Но у каждого из них смыслы разные, реализация этих смыслов и своей сути — разная, каждый из них силен в своей области, в грани своего таланта.

Талант — это безусловная любовь к тому, что ты делаешь.

Также это очевидные символы добра и зла, рая и ада.

Но копните глубже, и станет понятно, что во всех своих устремлениях и смыслах нам предначертано быть судимыми. Судимыми и за добро (образ Сына Божьего), и за безнравственность, сладострастие (образ Оскара Уайльда).

Я полагаю, что девственность дана человеку не для того, чтобы оставаться всегда чистым, ангелоподобным и юным в этом мире, а для того, чтобы однажды осознать, что не бывает любви без греха. Не бывает вина, сделанного из уцелевших гроз винограда.

Не бывает такой чудесной, мелодичной и красивой, наполненной искренностью поэмы, чтобы при этом автор не отдал часть самого сокровенного, самого любимого и важного своему читателю. Я думаю, что чистота телесная — это лишь чистая одежда нашей многогранной, многоликой и всегда разной сути. В то время, как чистота души — это познание своей сути, своего предназначения, своего смысла и Бога.

Всем нужен секс — и преданным служителям Ватикана, и париям.

И мне не всегда понятны суждения тех людей, которые считают, что им секс не нужен. В силу своих душевных терзаний, в силу подавления своих желаний, в силу непризнания себя, своего тела и своей природы человек доходит до высшей формы безнравственности — остановить собственный рост: не позволить

прорасти на плодovитой почве *натуры* зернам собственного смысла, а затем зрелым плодам; остановить природу, остановить свои устремления. Остановить, чтобы жить в плену, чтобы жить без цели и надобности. Это всегда приводит к бессмысленности существования, к обесцениванию всякого тонкого стебля, прорастающего из почвы вожделения других, к обесцениванию зрелых плодов. В самом худшем случае — это приводит к пьянству, разгульному образу жизни, к приспособленчеству и самоубийству.

Я заметил, что зачастую люди, которые стремятся к смыслу, которые живут собственными идеями и воплощением их в жизнь, гораздо сексуальнее людей со схожими умственными и физическими данными, но живущими бесцельно. И эта сексуальная энергия чувствуется за версту, одурманивая, опьяняя, затрагивая большинство клавиш чувств.

Я глубоко убежден, что секс — это путь к познанию самого себя. Потому как сексуальные фантазии и желания человека — одна из сторон его многоликой сути и масштаб его личности.

2

Внутри человеческой души уже много веков горит — и будет гореть до тех пор, пока жив сам человек, — пожар войны добра и зла. Бога и дьявола. Морали и аморальности. Чести и бесчестия. Так было во времена древнегреческого философа Платона, жившего между 427 и 347 годами до нашей эры, учителем Аристотеля и учеником Сократа. (Сам Платон заявил однажды миру: «Бог в нас самих».) Так было и во времена Уайльда, маркиза де Сада, Уильяма Шекспира, Байрона и многих других. Сохранилось это и по сей день.

В каждом из нас в силу опыта, в силу жизненной мудрости и религиозных убеждений формируются понятия добра и зла, света и тьмы. Часто под гнетом потерь, с лужей пролитых слез по поводу какого-то, даже самого незначительного, человеческого проступка мы нарушаем баланс этих двух чаш весов и перекладываем крупицу убеждений из одной чаши в другую. Хороший пример целому поколению — Булгаков и его произведение «Мастер и Маргарита»: есть кое-что намного опаснее и страшнее дьявола — это сами люди. Миллионы читателей по всему миру полюбили это произведение и поселили в душе эту мысль, переложив однажды крупицу из чаши в чашу. Так формируются наши представления что есть добро, а что есть зло.

Мы можем понять, что нет зла в похоти, в содомии — если это не наносит ущерба ни тебе, ни другому человеку, если это помогает раскрыть себя и грани своей эфемерной материи. И мы можем увидеть зло, уничтожающее не чью-то душу, а твою собственную, — в трусости, в ненависти, в разрушении самого себя. Прочитую сильнейшие строки

из уайльдовской «Тюремной исповеди», которые живут в моей душе: «Я должен до конца уяснить для себя, что ни ты, ни твой отец, будь вас хоть тысячи, не смогли бы погубить такого человека, как я, если бы я сам не погубил себя, и что никто, будь он велик или ничтожен, не может быть погублен ничьей рукой, кроме своей».

Однажды я осознал это.

Сначала погибает твой дух, а затем все вокруг способствует тому, чтобы вслед за ним умерло твоё тело.

Я всегда буду защищать хорошего человека, какими бы извращёнными ни казались другим грани его натуры.

Я никогда не встану на сторону подлеца, который пытается очернить хорошего человека (в силу неприятия его самим собой), какими бы благородными при этом ни казались его побуждения.